

**Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of public administration**

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-88-104-118

**Информационная война как политический вызов постмодерна
(по материалам парламентских выборов 1999 года)**

Волгин Евгений Игоревич

Кандидат политических наук, доцент, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: plytony@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 1885-0532

ORCID ID: [0000-0002-9690-448X](https://orcid.org/0000-0002-9690-448X)

Аннотация

Парламентские выборы 1999 г. запомнились беспрецедентной дискредитацией статусных политиков, вознамерившихся бросить вызов «партии Кремля». Наиболее ярким примером «информационной вакханалии» стала авторская телепрограмма Сергея Доренко, которая была направлена на очернение лидеров избирательного объединения «Отечество — Вся Россия» (Е. Примакова и Ю. Лужкова). Практически каждый исследователь, изучающий выборы в III Думу, не может обойти вниманием этот скандальный телепроект. Вместе с тем «феномен Доренко» как важный информационно-политический фактор выборов 1999 г. пока что не получил глубокого и всестороннего осмысления. Авторы в основном ограничиваются упоминанием наиболее ярких моментов известного «предвыборного сериала», одновременно указывая на недопустимость приемов и методов, которые использовал известный «телекиллер». При этом остается неясно, почему «Программа Сергея Доренко» произвела настолько сильный политический эффект, который превзошел агитационно-пропагандистские усилия практически всех политических партий. Объяснить данный феномен исключительно одним «талантом» ведущего, виртуозно владевшего искусством черного пиара, без погружения в онтологическую суть известной медиастратегии едва ли представляется возможным. Цель данной статьи состоит в том, чтобы, несколько абстрагируясь от морально-этических оценок, рассмотреть предвыборную «Программу Сергея Доренко» как некую медиаигру, которая велась в координатах социально-культурной парадигмы постмодерна. Суть этой игры так и осталась недосягаемой для оппонентов и современников, воспринявших данный телепроект исключительно как «медиакиллерство» и «войну компромата». Следует учесть, что новое прочтение данной темы стало возможным в связи с интенсивным развитием в последние годы современных информационно-коммуникативных практик и медиадискурса.

Ключевые слова

С.Л. Доренко, Е.М. Примаков, Ю.М. Лужков, А.А. Вешняков, выборы, информационная война, постмодерн.

**Information War as a Political Challenge of Postmodernity
(Based on the 1999 Parliamentary Elections)**

Evgeny I. Volgin

PhD, Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: plytony@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-9690-448X](https://orcid.org/0000-0002-9690-448X)

Abstract

The 1999 parliamentary elections were remembered for the unprecedented discrediting of well-known candidates who dared to challenge the “Kremlin party”. The most striking example of “information bacchanalia” was Sergei Dorenko’s author’s TV program, which was aimed at discrediting the leaders (E. Primakov and Y. Luzhkov) of the electoral association “Otechestvo — Vsy Rossiya”. Almost every researcher studying the elections to the Third Duma cannot ignore this scandalous television project. At the same time, the “Dorenko phenomenon” as an important information and political factor of the 1999 elections has not yet received a deep and comprehensive understanding. The authors generally limit themselves to mentioning the most brilliant moments of the well-known “election series”, while pointing out the inadmissibility of the techniques and methods used by the well-known “telekiller”. At the same time, it remains unclear why the “Program of Sergei Dorenko” produced such a strong political effect, which surpassed the agitation and propaganda efforts of almost all political parties. It is hardly possible to explain this phenomenon only by the “talent” of the program host, who masterfully used the art of “black PR”, without immersion in the ontological essence of the well-known media strategy. The aim of the article is to analyze “Program of Sergei Dorenko” as a kind of media game, which was played in the coordinates of the socio-cultural paradigm of postmodernity. The essence of this game remained unclear for opponents and contemporaries considering this project only as “mediamurder” and “war of compromising materials”. A new reading of this topic became possible due to the intensive development of modern information and communication practices and media discourse in recent years.

Keywords

S.L. Dorenko, E.M. Primakov, Yu.M. Luzhkov, A.A. Veshnyakov, elections, information war, postmodernity.

Введение

В сентябре 2021 году нас ожидают очередные выборы в Думу. Несмотря на богатую палитру современной российской многопартийности, можно с уверенностью сказать, что грядущие выборы станут полем противоборства двух основных партий: «партии телевизора» и «партии Интернета». Обстановка чем-то напоминает ситуацию двадцатилетней давности с той лишь разницей, что тогда, в конце 1990-х, второй партии еще не существовало, а первая, в силу конфликта, возникшего «в верхах», оказалась расколотой. Тем не менее парламентские выборы 1999 г., впрочем, как и практически все последующие избирательные кампании, выигрывали не столько партии и политики, сколько телевизор. За последнее десятилетие ситуация несколько изменилась, а потому грядущая думская кампания, которая, учитывая непростую ситуацию в стране и в мире, едва ли станет для власти легкой электоральной прогулкой. В этой связи возникает необходимость еще раз обратиться к печальному опыту выборов-99, окончательно утвердивших электронные СМИ в качестве решающего электорального фактора.

В марте 1999 г. в своем последнем Послании Б. Ельцин вознамерился провести чистые, свободные, равные и демократические выборы¹. В итоге избирательная кампания в III Думу стала едва ли не самой «грязной» ввиду применения различных неблагоприятных технологий, направленных на тотальную дискредитацию конкурентов. Председатель Центризбиркома А. Вешняков, подводя итоги предвыборной борьбы, констатировал: «...порой нарушались все нравственные нормы, профессиональная этика, да и законодательство о выборах. В этом вопросе мы от грязи не отмылись, а, наоборот, еще глубже в нее погрузились»². В аналогичном ключе рассуждал председатель Совета Федерации Е. Строев: «Мы искупались так глубоко... По сути дела, мы не депутатов избирали, а унижали саму власть и самих себя»³. Факт того, что выборы-99 были «нечестными и нечистыми» признавал даже Сергей Доренко⁴ — известный тележурналист, ставший олицетворением разгула «информационной вакханалии» на ТВ.

Избирательная кампания в стиле «жесткого компро»⁵ произвела впечатление не только на ее участников, но и на политологов. Так, Л. Радзиховский констатировал: «Доренко дунул на Лужкова эфирным ветром — и Лужкова не стало»⁶. В. Никонов отмечал, что выборы обернулись борьбой государственных СМИ с отдельными партиями и политиками, а не конкуренцией партий друг с другом, как в цивилизованных странах⁷. И. Бунин и Б. Макаренко полагали, что настоящими бенефициарами информационных войн в 1999 г. стали коммунисты, оказавшиеся на ТВ вне критики⁸. А. Цуладзе указывал на то, что у «партии Кремля» из-за отсутствия идеологии не оставалось иного выбора, кроме как «раскачивать информационное пространство»⁹.

Аберрации телепропаганды не могли не отменить исследователи, изучавшие парламентскую кампанию 1999 г. А. Бузин назвал выборы 1999 г. последним боем за власть между двумя крупными группировками нарождавшейся новой номенклатуры: коалицией «Отечество — Вся Россия» (ОВР), включавшей тяжеловесов-губернаторов, и блоком «Единство», который опирался на российских бизнесменов-нуворишей, поддержанных центральной властью. Если блок ОВР задействовал классический админресурс, то «партия Кремля» имела явные преимущества на федеральном телевидении [Бузин 2020, 87].

¹ Послание Президента РФ от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики РФ)» // Президент РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22400> (дата обращения: 25.04.2021).

² Стенограмма заседания Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 января 2000 г. // Государственная Дума [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2263/> (дата обращения: 10.06.2021).

³ Офитова С. Искупались // Сегодня. 1999. 24 декабря.

⁴ Неспящие в России // Сегодня. 1999. 20 декабря.

⁵ Калашникова Н. Кто выиграет Великую «Отечественную» // Сегодня. 1999. 2 декабря.

⁶ Радзиховский Л. Воля Путина // Сегодня. 1999. 21 декабря; Радзиховский Л. Дым Отечества // Сегодня. 1999. 3 декабря.

⁷ Никонов В. Особенности национальных выборов // Известия. 1999. 2 ноября.

⁸ Бунин И., Макаренко Б. Выборы в Думу: уроки и выводы // Независимая газета. 2000. 12 января.

⁹ Цуладзе А. Алхимия выборов // Сегодня. 1999. 22 декабря.

В последние годы появились публикации, посвященные феномену так называемого «медиакиллерства». Т. Тарасенко, раскрывая данную метафору, указывает, что к подобной категории относятся сотрудники СМИ, выполняющие оплачиваемые политические заказы на дискредитацию репутации личности, а их специализация — поиск документов, подготовка публикаций, которые вызывают, как правило, негативный резонанс. «Медиакиллеры» убивают, но при этом ликвидируют не тело, а дух, то есть имидж [Тарасенко 2017].

Особый интерес вызывает статья Е. Цуканова «Медиакиллерство как гностическая дискурсивная практика». Пытаясь постичь онтологическую сущность данного феномена, автор причисляет отдельных представителей отечественной журналистики 1990-х к «медиа-гностикам». Медиагностицизм, в свою очередь, сообразно известной интеллектуально-мистической традиции, зародившейся в I–II вв. н.э., выступает как специфический вид журналистской деятельности, задача которой заключается в том, чтобы крушить и ниспровергать любую существующую общественно-политическую систему. Именно в этих «координатах логики распада» постепенно сформировалась определенная традиция медиаработы, которая неосознанно воспринимается и приветствуется общественным мнением как «правдорубство», тогда как на самом деле «она банально пронизана мировоззрением нездорового мрачного скепсиса, по-гностически злобствующего на бытие вообще». Гностицизм, проникнув в массмедиа, стал онтологией «медиакиллерства», которое является информационным покушением на стабильно устойчивый универсум, в котором порядок доминирует над хаосом. В качестве наиболее ярких примеров Цуканов проводит дискурс-анализ творчества трех наиболее одиозных российских «медиакиллеров»: А. Невзорова, В. Познера и С. Доренко. В последнем случае материалом для изучения служит резонансное интервью, которое С. Доренко дал Юрию Дудю в августе 2018 года [Цуканов 2018].

Существует несколько исследований, непосредственно изучающих феномен С. Доренко. Так, И. Калашников на примере «Программы Сергея Доренко» изучает СМИ как инструмент отстаивания политических интересов финансовых элит в России 1999–2000 гг. Автор, ссылаясь на вышеупомянутое интервью Доренко, а также на П. Авена, П. Хлебникова и А. Константинова, подробно останавливается на деловых и дружеских отношениях, сложившихся между тележурналистом и ангажировавшим его Б. Березовским. Выборы 1999 г. Калашников называет не столько политическим соперничеством между «Единством» и ОВР, сколько враждой двух медиамагнатов — Березовского и Гусинского. Олигархи, как и в 1996 г., поддерживая тот или иной предвыборный блок, руководствовались соображениями личной выгоды. Раскрывая секрет успеха «Программы Сергея Доренко», автор подчеркивает явное превосходство ее ведущего над авторской программой Е. Киселева, вышедшей на НТВ и направленной на дискредитацию прокремлевского блока и его кандидатов. Кроме того, сами лидеры ОВР избрали в качестве стратегии оборону, тогда как Доренко и Березовский вели непрерывные информационные атаки [Калашников 2018].

Выделим работу А. Каширина, который исследует невербальные особенности авторских информационно-аналитических программ С. Доренко («Программа Сергея Доренко»), Л. Парфенова («Парфенон») и Д. Киселева («Вести недели»). Описав и проанализировав внешние атрибуты «Программы Сергея Доренко» (графическое и звуковое обрамление, цветовое оформление студии, облик ведущего), автор отмечает, что анализ собственно паралингвистических особенностей журналиста (с точки зрения использования мимики и жестов) вызывает трудности [Каширин 2017].

Российские медиавойны 1999 г. нашли отражение в англоязычной литературе. Выделим коллективный труд Р. Ениколопова, М. Петровой и Е. Журавской «СМИ и политические убеждения: российский пример». Авторы подчеркивают, что СМИ особенно влиятельны в странах со слабыми демократическими институтами, к которым относилась Россия конца 1990-х гг. Предметом исследования выступает степень влияния на электорат НТВ как единственного независимого (в понимании авторов) национального телеканала в ходе выборов 1999 г. На основании анализа статистических данных авторы показывают, что в тех регионах, где телезрители имели широкий доступ к программам НТВ, число голосов за оппозиционные партии резко возросло, тогда как популярность проправительственного блока «Единство» была не столь высокой. Вместе с тем доступ избирателей к альтернативным источникам информации, определенные политические знания, а также наличие высшего образования уменьшали эффект телепропаганды [Enikolopov et al. 2010].

Отметим статью «Медиаэффекты и российские выборы» С. Уайта, С. Оутса, И. Макаллистера. Авторы отмечают заметную диспропорцию в освещении предвыборных кампаний различных партий и блоков на выборах в III Думу. Так, если «Единству» ОРТ посвятило 28% вещания, то ОВР — лишь 15%. Причем информация о проправительственном блоке подавалась исключительно в позитивном ключе, а о губернаторской коалиции — только в негативном. Исследователи характеризуют информационную кампанию, развязанную Кремлем против наиболее опасных противников, как беспрецедентную за всю историю постсоветских выборов клеветническую акцию. Нескончаемый поток непристойной и недостоверной информации ретранслировался в основном С. Доренко (которому Березовский якобы заплатил 1 млн долл.), М. Леонтьевым и П. Шереметом. Воздействие массмедиа осуществлялось вместе с социально-экономическими и прочими факторами, повлиявшими на формирование электорального выбора избирателя в посткоммунистической стране, где новые партийные структуры пока что не утвердились [White et al. 2005].

Выделим также статью М. Макфола «Парламентские выборы 1999 г. в России: партийная консолидация и фрагментация». Автор отмечает, что в 1999 г. (в отличие от парламентских выборов 1993 и 1995 гг.) Кремль играл гораздо более активную и агрессивную роль во влиянии на исход голосования. Говоря о медийном противостоянии «партии Кремля» и губернаторской коалиции, Макфол не склонен переоценивать воздействие телевидения на электоральный выбор избирателя. Автор считает, что вещание ТВ было хотя и предвзятым, но «немонолитным», так как существовали независимые периодические издания, в том числе КПРФ, которые освещали избирательную кампанию с разных сторон. Вместе с тем факт того, что государственные СМИ заняли в ходе тех выборов партийную позицию, Макфол считает плохим знаком для демократии [McFaul 2000].

Формат статьи не позволяет в полной мере отразить отечественную и зарубежную литературу, посвященную изучению медийного противостояния в ходе парламентских выборов 1999 г. Но даже краткий обзор основных публикаций позволяет сделать вывод о том, что данная тема в общем и целом неплохо отображена в исследовательской литературе. Однако, на наш взгляд, «эффект Сергея Доренко» как целостный информационно-политический фактор выборов 1999 г. пока что изучен недостаточно глубоко. Исследователи (за редким исключением) в первую очередь обращают внимание на скандальный антураж известного «политсериала». При этом остается неясно, почему «Программа Сергея Доренко» произвела настолько сильный (для избирателей) и обезоруживающий (для оппонентов) эффект,

что позволило ее автору заявить: «Я... завалил президента России и поставил нового...»?¹⁰ Объяснить данный «успех» только одним «талантом» и «запредельным» цинизмом ведущего, виртуозно владевшего искусством черного пиара, без погружения в онтологическую суть известной медиастратегии едва ли представляется возможным.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, несколько абстрагируясь от морально-этических оценок, рассмотреть авторскую «Программу Сергея Доренко» как некую медиаигру, которая велась в координатах определенной социально-культурной парадигмы, так и оставшейся неразгаданной для политических оппонентов. Для успешного решения поставленной цели необходимо решить ряд сопутствующих задач:

- выделить общие структурно-композиционные особенности и приемы программы С. Доренко как целостной политической медиаигры;
- рассмотреть информационную войну на выборах 1999 г., развязанную против политических конкурентов Кремля, как постмодернистский вызов, обезоруживший оппонентов, не владевших приемами соответствующего дискурса;
- попытаться предложить свой сценарий стратегического поведения жертв информационной войны;
- показать безуспешные попытки Центризбиркома с помощью правовых механизмов погасить «информационные конфликты».

В ходе исследования были использованы диахронный, логический, системный, социологический, формально-юридический подходы, а также контент-анализ.

«Программа Сергея Доренко»: правила и приемы медиаигры

«[Программа Сергея Доренко](#)» выходила на ОРТ с 5 сентября 1999 по 2 сентября 2000 года. Не пытаясь пересказать в деталях каждую серию (до выборов их вышло не менее дюжины), постараемся обозначить общие структурно-композиционные особенности, которые составили «драматургию» известного телепроекта. Это, во-первых, сугубо личностный подход, который использовал С. Доренко, с сентября 1999 г. методично уничтожавший репутацию лидеров ОВР и одновременно обваливавший рейтинг самого избирательного объединения. Такой метод отличался от пропагандистских приемов президентской гонки 1996 г., в ходе которой федеральные каналы сконцентрировали основное внимание на ужасах идеологии и практики коммунизма, тогда как личность самого Г. Зюганова особо не «уничтожалась». Во-вторых, с самого начала автор и ведущий применял прием, который можно обозначить как «отзеркаливание». Доренко сторицей возвращал Лужкову все обвинения, ранее выдвинутые или поддержанные московским мэром против Ельцина и «Семьи». Журналист «на фактах» доказывал, что сам Юрий Михайлович является «бастардом ельцинизма», так как ему и его окружению также присущи коррупция, nepotизм и семейственность. В-третьих, «разоблачения» были задуманы в формате продолжающегося журналистского расследования, где одни и те же сюжеты получали развитие в последующих программах, заставляя избирателя досмотреть этот «политический блокбастер» до конца. В-четвертых, ведущий настаивал на том, что все озвученные им «сенсации» подкреплены документальным материалом или же свидетельствами очевидцев (при этом аутентичность представленных документов, а также тот факт, что в роли очевидцев подчас выступали заинтересованные лица или политические конкуренты ОВР, оставались, что называется, за кадром).

¹⁰ Доренко: я, между прочим завалил Президента России и поставил другого // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E-UaXSI1HKs> (дата обращения: 01.06.2021).

Кроме того, С. Доренко регулярно приводил данные «соцопросов», которые раз за разом показывали неуклонное снижение политического доверия к Е. Примакову при одновременном росте рейтинга В. Путина (телезрителей не должен был смущать тот факт, что соцопросы проводились ФОМ по заказу ОРТ). Если в начале октября 1999 г. Примаков казался абсолютным лидером (28%), за которым с большим отставанием следовал Путин (13%), то уже 31 октября лидер ОВР впервые чуть уступил преемнику (32% против 33%). «Прорыв» Путина был удачно приурочен к его интервью, которое он дал Доренко как раз 31-го числа. Далее этот разрыв стремительно увеличивался. В начале ноября Путина поддерживало 39%, а Примакова — 26%. Одновременно в первую пятерку попал С. Шойгу, навсегда (как постановил Доренко) вытеснив с пятого места Лужкова (который, по словам телеведущего, перестал быть политиком федерального уровня). В конце ноября Примаков переместился уже на третье место (22%), пропустив вперед Зюганова (23%), а Путин продолжил свое «движение вверх» (47%). 5 декабря рейтинг премьера достиг рекордной отметки (50%). 12 декабря, накануне выборов, рост популярности преемника был приостановлен и даже немного снижен (47%), Зюганов остался «при своих» (22%), а вот Примаков выпал из «первой тройки» (17%), уступив третье место Шойгу (19%), которого некоторые называли «дублером» Путина. Демонстрация данных соцопросов сопровождалась соответствующими коннотациями, которые стигматизировали симпатизантов антикремлевских кандидатов, пока те опережали преемника.

Показатели соцопросов менялись сообразно динамике информационного давления, которое шло по нарастающей, достигнув к концу октября – середине ноября 1999 г. апогея. Причем сперва С. Доренко напал только на Ю. Лужкова, пытаясь втянуть московского мэра в губительную для него публичную дискуссию (неслучайно в одной из передач, вышедшей после выборов, мастер политической деконструкции признался, что герои его сериала преподнесли ему неоценимый подарок, втянувшись в борьбу). После того, как столичный градоначальник «заглотнул приманку», на него посыпались более тяжкие обвинения (вывод средств за рубеж, приобретение земли в Испании за взятку, оформленную как оплата одной из скульптур Церетели, широко распиаренное Москвой «безвозмездное» восстановление больницы в г. Буденновске, фактически осуществленное за счет средств Ставропольского края, покупка элитной недвижимости за рубежом за счет средств москвичей, покровительство тоталитарным сектам, подкуп федеральных судов в г. Москве, фальсификация подписных листов в ходе избирательной кампании мэра, причастность к убийству американского бизнесмена Пола Тэйтума). Вскоре жертвами телепропаганды пали Е. Примаков (после того как он в конце октября отказался прийти на встречу к Ельцину) и В. Яковлев. Бывшего премьера Доренко, ссылаясь на американские источники, обвинил в покушении на Э. Шеварднадзе. Губернатор Петербурга предстал перед телезрителями как глава криминальной столицы России.

Скандально-разоблачительные сюжеты перемежались короткими, но не менее яркими вкраплениями. Так, например, демонстрировались эмоциональные пассажи Лужкова о необходимости предоставить свободу мятежной Чечне или же о том, что Россия в случае необходимости сможет вернуть Севастополь силой (последняя фраза в конце 1999 г. еще не была политическим мейнстримом). Или же: подробнейший («с кровью») сюжет о хирургической операции, которую Примаков перенес на тазобедренном суставе, на основании чего делался далеко идущий вывод о том, что 70-летний кандидат в президенты в случае своей победы будет лечиться в течение всего четырехлетнего срока. И, наконец, репортаж о помпезном съезде движения «Вся Россия», проведенном В. Яковлевым в Таврическом дворце якобы за счет города. Ближе к концу телезрителям был предложен «клубничный десерт» в виде пикантной истории о похождениях

генпрокурора Ю. Скуратова. Активный борец с коррупцией в высших эшелонах власти, Юрий Ильич объективно подыгрывал ОВР, однако в марте 1999 г. сам стал фигурантом громкого скандала, подробности которого Доренко «скормил» своему телезрителю во всех подробностях.

Когда окончательно дезориентированный избиратель, что называется, дозрел, Доренко нанес главный удар. В программе от 14 ноября он обвинил Примакова в том, что за бывшим премьером стоит Североатлантический альянс, который активно давит на Ельцина, продвигая в преемники лидера ОВР, дабы отставить Путина и остановить российскую армию в Чечне. «НАТО голосует за Примакова», — вынес свой вердикт «телекиллер». После этого окончательно поверженные Примаков с Лужковым якобы явились к Путину и попросили прекратить информационные атаки в обмен на лояльность. Однако премьер ответил отказом. Тогда незадачливые оппоненты Кремля, по словам Доренко, начали (с подачи Примакова) искать союза с коммунистами.

Жесткое информационное давление сохранялось вплоть до выборов и продолжилось после голосования, так как электоральный процесс еще не был завершен. Таким образом, за 3,5 месяца до выборов в Думу усилиями федеральных каналов удалось серьезно деконструировать положительный образ лидеров ОВР. Вместо «людей дела», «опытных руководителей» и «государственников-патриотов», перед глазами миллионов телезрителей предстала клика «проворовавшихся лживых политиканов», которые не гнушаются заказными убийствами и готовы при случае предать национальные интересы России. С учетом того, что избирательная кампания велась под эгидой борьбы с криминалом в партийных списках, ОРТ было необходимо обнажить «уголовную сущность» губернаторского блока, показав тем самым, как «четвертая власть» противостоит попыткам проникновения в Думу преступных элементов.

Информационная война как деконструкция политических оппонентов

Практически все исследователи, изучавшие парламентскую кампанию 1999 г., признают, что блок ОВР проиграл информационную войну, вследствие чего не смог достигнуть необходимого для будущей «партии власти» результата. Многие отмечали вялую, безынициативную работу пропагандистских структур ОВР, не сумевших парировать ни одной инвективы¹¹. Когда по завершении голосования в штабе ОВР начался поиск виновного за провалы на информационном фронте, некоторые обратили внимание на фигуру С. Ястржембского, вице-преьера Москвы, председателя Совета директоров компании «ТВ-Центр». Сергей Ястржембский, заподозренный в политических симпатиях к московскому мэру, был уволен в 1998 г. с должности пресс-секретаря Президента. Вскоре Ястржембский получил высокий пост в команде Лужкова и стал ответственным в том числе за формирование имиджа столичного мэра. Однако автор известных (как бы сказали сегодня) мемов о «крепком президентском рукопожатии» и об успешной работе главы государства «с документами», проявил беспомощность в вопросах информационного противоборства. Единственное, что сумел сделать Ястржембский, так это организовать появление на канале ТВЦ мультипликационной пародии на Доренко, а также издать многотысячным тиражом роскошно оформленный буклет с не совсем приличными частушками о политических противниках¹². После того, как Ястржембский в январе 2000 г. покинул команду Лужкова и вернулся в Кремль, в печати стали появляться конспирологические версии о том, будто бывший президентский пресс-секретарь был специально внедрен в ближайшее окружение

¹¹ Чугаев С. Кто виноват в провале ОВР // Комсомольская правда. 2000. 13 января.

¹² Белянинов К. «Отечество» меняет ориентацию // Новые известия. 2000. 12 января.

Лужкова с целью осуществления подрывной деятельности во время избирательной кампании. Правда, в «пятую колону обиженных» журналисты также записали Примакова, вставшего над мэром, вследствие чего «свита» окончательно «уделала короля»¹³.

На наш взгляд, попытка объяснить поражение блока Примакова — Лужкова в информационной войне исключительно кознями «засланных казачков», действовавших в избирательном штабе ОВР (где, по свидетельству сопричастных, шла жесточайшая междоусобица), означало бы существенно упростить проблему. Если абстрагироваться от эмоциональных оценок скандального сериала С. Доренко и попытаться взглянуть на проблему более концептуально, можно предположить, что команда ОВР проиграла не столько информационную борьбу, не сумев излить на противника адекватный объем «убойного» компромата, сколько продемонстрировала абсолютное неумение действовать в непривычных условиях игры-деконструкции в стиле постмодерн¹⁴, навязанной агрессивными массмедиа. «...Постмодернист — самый отчаянный, самый азартный игрок... Он играет буквально с любым другим “игроком” — будь то история, литература, физика, архитектура, этнография, демография и пр. Играет, навязывая или пытаясь навязать партнеру любые правила, подчас самые безумные, — лишь бы было ему, постмодернисту, интересно» [Вахрушев 1999]. Разумеется, в данном случае речь шла не о какой-то возвышенной интеллектуальной игре с мировыми культурами, а о низменной политической акции, направленной на то, чтобы как можно сильнее скомпрометировать оппонента. С другой стороны, исследователи признают, что нынешние игры постмодерна «есть злейшая пародия на высокий... и элитарный... идеал Гессе»: «Они отмечены какой-то всепокрушающей всеядностью — в них комбинируется во всевозможнейших видах и формах буквально все — пошлость и достижения высокой культуры, гадость и истинная красота, наглая ложь и истина...» [Там же].

С. Доренко активно использовал приемы и методы, характерные для постмодернистского дискурса: деконструкция и низложение «авторитетов», эпатаж, алогизм текстов с частой подменой тезиса («информационное наперсточничество», если пользоваться терминологией Ястржембского), постправда (обращение не к объективным фактам, а к эмоциям телезрителей), гротескное, порой доведенное до абсурда изображение тех или иных ситуаций, бриколаж, пост- и метаирония. Проще говоря: «Журналист как хотел измывался над политическими соперниками Владимира Путина, изворачивал абсолютно безобидные истории...» [Калашников 2018, 242]. В этой связи попытка связать журналистский стиль Доренко с традицией мрачного гностицизма кажется вполне органичной. Ибо, по мнению некоторых авторов, гностическое мировоззрение во многом стало предтечей философии постмодерна. «“Гностицизм — это бездна” — утверждал южноамериканский политический философ Николас Гомес Давила. Западное сознание модерна... соскользнуло в бездну... а постмодернисты в ней обосновались» [Логинов 2018].

При этом создатели «сериала» всецело следовали расхожему правилу постмодернистской «культуры публичности», сформулированному американским литературоведом С. Фишем. Согласно этому правилу, бессмысленно заботиться о том, чтобы быть правым, главное — быть интересным. Надо признать, передачи Доренко, затягивая зрителя новыми «сенсациями», аккуратно дозированными для каждого выпуска так, чтобы хватило до самых выборов, пользовались немалой популярностью. И это вполне объяснимо. Писатель Юрий Нагибин, рассуждая о секрете феноменальной популярности «поэтов шестидесятников», как-то заметил,

¹³ Круглов М. Короля уделала свита // Новая газета. 2000. 17–23 января.

¹⁴ Неудивительно, что «партия Кремля» активно сотрудничала с Фондом эффективной политики, одним из основателей которого являлся известный галерист-постмодернист Марат Гельман.

что для любого успеха необходим «привкус дешевки». Это любопытное, но отнюдь не бесспорное (для поэтов-шестидесятников) суждение куда больше подходит для характеристики продукции современных массмедиа вообще и рассматриваемой телепрограммы в частности. Контент известного предвыборного «сериала», которым компания ОРТ более трех месяцев «потчевала» электорат, состоял из низкопробных информационных поделок, эффектно преподнесенных благодаря таланту «гипнотического воздействия», которым в совершенстве владел «телеведущий-факир». «Доренко обладал буквально гипнотическим тембром, который держал зрителей в напряжении. ...Борис Ельцин назвал Доренко “самым красивым диктором” на отечественном телевидении»¹⁵. Застывшая мина на лице Доренко напоминала знаменитый немигающий взгляд исподлобья известного телегипнотизера А. Кашпиоровского, за десять лет до этого также «дававшего установку» миллионам советских пациентов.

Надо признать, что телеведущий отнюдь не всегда использовал приемы постмодернистской игры-деконструкции. Так, например, репортажи о ситуации в Чечне и на сопредельных территориях, с которых обычно начинался очередной выпуск, подавались вполне «социалистично» и только в позитивном ключе (эти кадры должны были работать на имидж Путина и Шойгу, «вытягивавших страну» из бездны 1990-х). Зато, когда сюжеты с Северного Кавказа заканчивались, картинка будто расплывалась и перед глазами телезрителя вновь появлялась хорошо знакомые обитатели «политической кунсткамеры» под названием «Отечество минус Вся Россия».

Что же касается Е. Примакова и Ю. Лужкова, ставших жертвами провокативной телеигры, то оба этих политика, помещенные в непривычные условия виртуальной реальности, оставались при этом людьми традиционной, по сути советской политической культуры, пытались ответить на симулятивную стратегию оппонента, используя традиционные методы и схемы, которые в условиях постмодернистского дискурса просто не работали. Поэтому любые попытки «нормально объясниться» или же доказать абсурдность выдвинутых обвинений, используя правовые методы, в ловких руках «хозяина дискурса» оборачивались комичными и жалкими попытками изобличенных «жуликов и воров» как-то оправдаться. Это, в свою очередь, провоцировало новые, куда более жесткие инвективы и осмеяния (здесь Доренко очень помогало косоязычие, которое порой допускал в своих эмоциональных ответах московский мэр). Характерным примером неэффективности традиционных методов в борьбе с политическим вызовом постмодерна стали неуклюжие действия Лужкова, который инициировал против Доренко судебный процесс о защите чести, достоинства и деловой репутации. Столичный мэр выиграл суд, который, признав факт клеветы, отсудил у обидчика не 450 млн (именно на такую сумму был подан иск), а всего лишь 100 тыс. руб. (3,7 тыс. долл.), то есть в 4,5 тыс. раз меньше требуемой суммы. Реальная победа обернулась в медиаигре очередными унижениями Лужкова, цена которого в глазах «теленаселения» катастрофически упала.

Другой пример, связанный с резонансными заявлениями лидеров ОВР, — это слух, будто Кремль пытается развалить блок, побуждая некоторых кандидатов, в том числе из первой тройки, путем шантажа или подкупа отозвать свои кандидатуры. Но этот мотив, призванный изобличить президентскую администрацию в политической коррупции, в фантазмагии Доренко обернулся (для ОВР) очередным уничижительным фарсом. Так, в одной из программ был показан сюжет о том, как Примаков «торгует членами» (название вполне соответствовало семантическим играм постмодерна). Бывший премьер обвинял некоего советника Администрации Президента по фамилии Мамут в попытке подкупа кандидата от ОВР К. Затулина. Мамут якобы обещал

¹⁵ Поворознюк С. «Я хотел кровушки» // Lenta [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2019/05/09/sergey_dorenko/ (дата обращения: 27.04.2021).

Затулину 800 тыс. долл. за добровольный отказ от участия в выборах. По версии самого Затулина, он сам попросил у Мамута деньги на предвыборные нужды, на что тот ответил: что политику Затулину столько не даст, но готов помочь человеку Затулину, если он снимет свою кандидатуру. Однако далее следовало почти булгаковское «разоблачение». В кадре появлялся спикер Госдумы, коммунист Г. Селезнев, который выдавал авторитетное, экспертное заключение: «Ломанного гроша не дашь за Костю Затулина» (для КПРФ уничтожение конкурента в лице левоцентристского ОВР было крайне выгодно). Сопоставив показания Затулина и Селезнева, Доренко сделал «глубокомысленный» вывод о том, что члены ОВР «шарахаются от покупателей», так как не верят, что кто-нибудь предложит им серьезные деньги. Тележурналист, в свою очередь, выразил готовность скупать членов ОВР, согласившихся покинуть список, «по 10 долларов за каждого» (чем не пример постирони).

В поисках выхода из медиаловушки

Подобных примеров можно привести множество. Однако все они доказывали: переиграть «телевизионного наперсточника» было возможно лишь посредством отказа от ведения предвыборной борьбы с помощью стандартных приемов традиционной публичной политики (дискуссий с опорой на логику и факты, соблюдения морально-этических норм, рационального, то есть в данном случае предсказуемого, поведения). Ибо все попытки Примакова и Лужкова публично обелиться выглядели как стремление выправить свое отражение в кривом зеркале. В итоге оба этих политика, вступив в «диалог с телевизором», выглядели как «брюзжащие старики» (Г. Павловский). Следует помнить, что «Программа Сергея Доренко» задумывалась как большая телепровокация, в ходе которой ее ведущий, сливая очередную порцию компромата, ожидал увидеть всплеск негативных реакций оппонентов, чтобы использовать их раздражение как некий подручный материал для дальнейших информационных диверсий (с этой точки зрения фраза Доренко о том, что «стоит только Лужкову рот открыть, как мы тут же это транслируем», становится особенно понятной). Все это чем-то напоминало бриколаж, который широко используется в постмодернистском обиходе и как раз таки означает создание предмета или объекта из подручных материалов.

Еще хуже выглядели попытки штаба ОВР слепить пародию на самого Доренко и его телепроект. Мало того что ролики получались безвкусными, но даже если бы команде пиарщиков из московской мэрии удалось-таки переиграть ОРТ, их усилия едва ли приблизили ОВР к победе на выборах, ибо Доренко в Думу не баллотировался. Наиболее оригинально в данной ситуации поступил М. Рахимов. Дабы прекратить весь этот «информационный шабаш», президент Башкортостана решил просто «выключить телевизор» (приостановил вещание ОРТ и РТР на территории республики). Но едва ли такая мера в условиях информационного общества оказалась эффективной. Доренко тут же обвинил Рахимова в сепаратизме, призвав российскую армию, успешно наводившую порядок в Чечне, «заглянуть» в Уфу (после беседы с Путиным Рахимов обещал «ненадолго» восстановить вещание). В последующих репортажах ОРТ Башкортостан предстал зоной сплошного электорального авторитаризма.

Возникает вопрос: а была ли у штаба ОВР возможность противостоять столь изощренной постмодернистской провокации? Если говорить о конкретных политиках с их традиционным менталитетом (Примакове, Лужкове, Рахимове и т.д.), то ответ будет однозначно отрицательным. Однако попытаемся абстрагироваться от конкретных личностей, павших жертвами «инфовой», и попытаемся сконструировать сугубо гипотетическую модель поведения политических лидеров, попавших в подобную ситуацию. В этом отношении любопытно выглядит мысль

В. Третьякова, высказанная в газете Березовского незадолго до выборов. Главред «Независимой...» подметил, что, несмотря на результативность кампании по «добиванию ОВР», когда миллионы избирателей уже отшатнулись от этого блока, как от «исчадия политического ада», сама эта акция грозит перейти в свою контрпродуктивную стадию, если продлится чуть дольше¹⁶. То есть речь шла об усталости электората от той агрессивно-клеветнической кампании, которую государственные каналы развязали против уважаемых политиков. Более того, «информационный террор», достигнув апогея, очевидно, уже начал вызывать у обывателя аллергию вкупе с пробуждавшимся на подсознательном уровне ощущением, что вся эта неблагоприятная акция — грандиозный медиаобман. Подобная аберрация, укрепившись она в массовом сознании, могла преподнести «партии Кремля» неприятный сюрприз на выборах.

Взяв за основу данное наблюдение, можно предположить, что наилучшей стратегией в сложившейся ситуации могло бы стать не противодействие оппоненту, а движение ему навстречу. На практике это означало активную ретрансляцию и многократное повторение выпусков авторской «Программы Сергея Доренко» всеми подконтрольными ОВР телеканалами (по системе 24/7). С одной стороны, такой подход выглядел абсурдным, так как со стороны казалось, будто политики-тяжеловесы помогают «телекиллеру» добить остатки собственного рейтинга. Но это только на первый взгляд. Подобно тому, как минус на минус в итоге все-таки дает плюс (в данном случае этот математический закон используется исключительно как фигура речи), так и усиленная «кормежка» избирателя сильно «подпорченной» продукцией ОРТ ускорила бы «эффект отторжения», переплавляя компромат в своеобразную политическую рекламу. Кроме того, массовое и непрерывное тиражирование продукции Доренко-Березовского нивелировало «сенсационный» эффект тех или иных «разоблачений», обесценивая последние. Наконец, столь неожиданным поступком лидеры ОВР как бы подчеркивали уверенность в своей «неубиваемой» репутации. В то же время губернаторы, которых часто обвиняли в номенклатурной ригидности, как бы показывали, что у них также есть чувство юмора, поэтому они приглашают своих избирателей «вместе и от души» посмеяться над выкладками «аналитика» с Первого канала (демонстрация своеобразной пост- или метаиронии).

Более того, лидеры ОВР могли пойти дальше и продолжить эту игру, не просто публично признавшись во всех обвинениях, выдвигаемых против них Доренко, но также взяв на себя иные тяжкие грехи и преступления. Например, тот же Примаков мог бы засвидетельствовать свою причастность к покушению, скажем, на Индиру Ганди, а Лужков — взять на себя все кровавые столичные разборки с 1992 по 1999 год включительно. Иными словами, речь шла о том, чтобы не противиться, а принять постмодернистский вызов и продолжить эту метаигру, но уже на своем поле и по своим правилам. Конечно, столь деструктивная стратегия была крайне рискованной и при неверной реализации грозила в лучшем случае окончательно «похоронить» блок ОВР либо превратить выборы в театр абсурда, когда простой избиратель, окончательно дезориентированный постмодернистскими игрищами элит, ответил бы политическим абсентеизмом.

Вышеописанная схема является всего лишь гипотетической моделью одного из возможных вариантов действий политиков, попавших в «ловушку» агрессивной информационной войны. В любом случае, как бы ни выглядел предполагаемый ответ, он должен был стать простым и оригинальным. Описанный выше подход оказался бы для регионального начальства (морально еще не готового к тому, чтобы стать героями рассказов В. Пелевина или В. Сорокина) просто невыносимым.

¹⁶ Третьяков В. О разном — 3 // Независимая газета. 1999. 4 декабря.

Центризбирком и проблема незаконной агитации на ТВ

В ситуацию попытался вмешаться А. Вешняков. Председатель Центризбиркома обещал прекратить информационные войны на телевидении любыми способами — вплоть до лишения каналов лицензий: «Общество уже устало слышать и видеть ту грязь, которая льется потоками»¹⁷. 29 октября 1999 г. ЦИК направил в Министерство по делам печати представление, в котором содержание авторской «Программы Сергея Доренко» квалифицировалось как осуществление агитационной деятельности против лидеров блока ОВР¹⁸. Центризбирком, ссылаясь на Закон «О выборах депутатов...», напирал на то, что СМИ и журналисты не являются самостоятельными субъектами агитационной деятельности. ЦИК предложил Минпечати принять меры для пресечения противоправной агитации, проводимой ОРТ.

31 октября А. Вешняков лично пришел на передачу С. Доренко и обвинил телекомпанию ОРТ в нарушении правил ведения предвыборной агитации, а самого ведущего — в давлении на избирателя¹⁹. Доренко, в свою очередь, ссылаясь на Конституцию, гарантирующую свободу слова, утверждал, что лишь информирует избирателя о криминале, рвущемся во власть. На это Вешняков аккуратно заметил, что журналист выполняет совсем «другую работу». Ему, архангельскому корабелу, бывшему секретарю райкома КПСС²⁰, было сложно понять, в какие игры играет Доренко, ставя в один ряд Е. Примакова и С. Михайлова («Михася», считавшегося лидером солнцевской ОПГ), также пробивавшегося в Думу по списку ЛДПР.

Что касается Минпечати, то его глава М. Лесин, игравший в «команде Кремля» еще во времен президентских выборов 1996 г., не спешил выполнять предписание Центризбиркома. Ранее министра уже вызывали в Совет Федерации, где Лужков безрезультатно требовал от него воздействовать на ОРТ. Теперь Лесин и вовсе заявил, что министерство не будет принимать по отношению к ОРТ каких-либо санкций за нарушение избирательного законодательства. Ибо, по его словам, сам закон «О выборах депутатов...» фактически наложил мораторий на свободу слова во время проведения избирательной кампании, нарушая не только закон «О СМИ», но и Конституцию. Слова министра, поразительным образом напомиавшие логику Доренко, означали фактический отказ чиновника соблюдать требования неправильного, с его точки зрения, избирательного законодательства. Справедливости ради стоит отметить, что Минпечати все-таки вынесло ОРТ предупреждение, но лишь 15 декабря, когда основная информационная игра была сыграна (лужковский ТВЦ к тому моменту имел уже два министерских предупреждения)²¹.

Позже ситуацию рассмотрела Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ, которая в общем признала факт ведения Доренко предвыборной агитации против ОВР. Однако, буквально руководствуясь ст. 8 ФЗ «О выборах депутатов...», члены Палаты, указав на отсутствие прямых призывов к голосованию за или против тех или иных кандидатов, пришли к выводу, что известная программа и ее автор не вышли за рамки норм действующего избирательного законодательства [Скайнер 2001]. Такой подход свидетельствовал о том,

¹⁷ Сухова С. Это — первое // Сегодня. 1999. 30 октября; Барахова А., Трегубова Е., Камышев Д. ЦИК угрожает по-хорошему // Ъ. 1999. 22 октября; Лацис О. Избирком избирает сам // Новые известия. 1999. 2 ноября.

¹⁸ Об информации Рабочей группы по контролю за соблюдением участниками избирательного процесса порядка и правил проведения предвыборной агитации при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901813770> (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁹ Программа Сергея Доренко (эфир от 31.10.99) // YouTube [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wVciK18nEeA&t=3659s> (дата обращения: 31.03.2021).

²⁰ А. Вешняков окончил Архангельское мореходное училище и вплоть до конца 1970-х гг. работал механиком на судах Северного морского пароходства. Затем, продвинувшись по партийной линии, в конце 1980-х гг. стал секретарем Архангельского райкома КПСС: Вешняков, Александр. Чрезвычайный и полномочный посол России в Латвийской республике // [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/lib/14172372/> (дата обращения: 05.04.2021).

²¹ Бабиченко Д. «Честность и чистота» — на тройку с минусом // Сегодня. 1999. 20 декабря; Ростова Н. «Бульдозер» медиарынка // Медуза (СМИ, выполняющее функции иностранного агента) [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2015/11/07/bulldozer-mediarynka> (дата обращения: 06.04.2021).

что члены Палаты руководствовались не духом, а исключительно буквой закона о выборах, ибо не усмотрели в действиях ОРТ осуществления целенаправленной систематической публичной и, главное, бездоказательной дискредитации политиков из первой тройки списка ОВР, направленной на то, чтобы подорвать доверие избирателей к этому объединению и таким образом повлиять на их окончательный выбор. Фактически речь шла о злоупотреблении правом на предвыборную агитацию или же свободу слова, которую так «чутко» оберегали Доренко и Лесин. В итоге программу С. Доренко осудило лишь Большое жюри союза журналистов России, мнение которого «мастер постиронии» тут же обратил в скабрзную шутку.

Не до конца ясна позиция А. Вешнякова, столь рьяно начавшего борьбу с информационными войнами. Почему глава ЦИК, не найдя поддержки Минпечати, не обратился в Верховный Суд? Осмелимся предположить, что основной причиной могло стать нежелание главы ЦИК обострять и без того непростые отношения с Кремлем. Сам факт того, что Вешняков изначально обратился не в суд, а в Минпечати, воспринимался как попытка ЦИК переложить ответственность на министерство, явно не склонное идти на конфронтацию с влиятельными СМИ²². «Да, я не доволен чистотой избирательного процесса, все грани уже переступили, пора одуматься», — обреченно заявил Вешняков накануне голосования²³. Впоследствии Александр Альбертович оценил честность и чистоту избирательной кампании «на три с минусом». Глава ЦИК сетовал на то, что ряд политических организаций оказались далеки от ведения нормальной политической борьбы, а государственные телекомпании ввязались в эту борьбу в масштабах, которых еще не было на федеральных выборах. Что касается государственных структур, которые могли повлиять на «чистоту и честность» выборов, то они, по словам главы ЦИК, бездействовали²⁴. Последний упрек в какой-то степени можно было также адресовать самому Вешнякову, который до конца не использовал все правовые возможности для ослабления «телевакханалии».

Заключение

19 декабря 1999 г. список избирательного объединения «Единство» получил в федеральном округе более 23%. Блок ОВР отставал от «Медведей» почти вдвое (13%). С. Доренко, исподволь подчеркивая собственную заслугу в деле разгрома губернаторской коалиции, заявил, что при таком результате «Примаков просто должен пойти и повеситься»²⁵ (лидер ОВР рассчитывал как минимум на 25%). Однако по мажоритарной системе «Медведю» удалось провести лишь 9 кандидатов, тогда как ОВР — 29²⁶. Таким образом, в одномандатных округах «информационное оружие» оказалось неэффективным. Нетрудно предположить, чем бы закончились для «партии Кремля» эти выборы, добейся Ельцин во второй половине 1990-х гг. отмены смешанной избирательной системы [Волгин 2020]. А так федеральному телевидению достаточно было выбить первую тройку из федерального списка конкурирующей организации, чтобы лишить губернаторскую фронду серьезных политических перспектив. Таким образом, политическое «медиакиллерство» стало частью электоральной стратегии Кремля, суть которой заключалась в реформировании многопартийных выборов в борьбу отдельных кандидатов в «общефедеральном одномандатном» округе так, чтобы ко дню голосования все конкуренты уже были серьезно дискредитированы.

²² Сухова С. ЦИК против свободы слова // Сегодня. 1999. 5 ноября.

²³ Козырева А. ЦИК подводит черту // Российская газета. 1999. 16 декабря.

²⁴ Бабиченко Д. «Честность и чистота» — на тройку с минусом // Сегодня. 1999. 20 декабря.

²⁵ Неспящие в России // Сегодня. 1999. 20 декабря.

²⁶ Результаты выборов в Думу III созыва // Политика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politika.su/fs/gd3rezv.html> (дата обращения: 14.05.2021).

Итак, выборы 1999 г. (вслед за президентской кампанией) окончательно превратили электронные СМИ в решающий фактор избирательного процесса. При этом информационные войны велись отнюдь не только против конкретных кандидатов, но и против избирателя. Ибо само это понятие можно трактовать как осуществление при помощи СМИ незаконной агитации и дезинформации в целях оказания давления на электорат. Информационная война имела особый эффект, так как велась в дезорганизованном и дезориентированном обществе, все еще пребывавшем в шоковом состоянии после недавно пережитых терактов. Но в отличие от незатейливого антикоммунизма а la «Голосуй, или проиграешь» проект Сергея Доренко предстал неким постмодернистским театром абсурда, где режиссеры не были лишены творческого начала, а актеры настолько сильно прониклись постановкой, что не смогли выйти за рамки уготованного им сценария.

Список литературы:

- Бузин А.Ю. Российские выборы: изнутри, снаружи, сбоку. М.: КнигИздат, 2020.
- Вахрушев В.С. Постмодернизм... И несть ему конца? // Волга. 1999. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/1999/10/postmodernizm-i-nest-emu-koncza.html>
- Волгин Е.И. Проблема сохранения смешанной избирательной системы в РФ во второй половине 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 6. С. 116–142.
- Калашников И.Е. СМИ как инструмент отстаивания политических интересов финансовых элит в России 1991–2000 гг. на примере «Программы Сергея Доренко» // Молодой ученый. 2018. № 24(210). С. 241–244.
- Каширин А.А. Сравнительный анализ экстралингвистических особенностей авторских информационно-аналитических телепрограмм // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4. С. 59–71.
- Логинов Г.А. Цивилизация постмодерна как гностическая цивилизация и торжество небытия // Credo New. 2018. № 2. URL: <http://credo-new.ru/archives/1368>.
- Скайнер Л. Публичные выборы и частные интересы. Роль СМИ в российских парламентских выборах 1999 года // Конституционное право. Восточноевропейское Обозрение. 2001. № 4. С. 30–42.
- Тарасенко Т.П. Медийные метафоры в предвыборном дискурсе как трансляторы лингвоментальной картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3. С. 167–170.
- Цуканов Е.А. Медиакиллерство как гностическая дискурсивная практика // Дискурс-Пи. 2018. № 3-4(32-33). С. 183–191. DOI: [10.17506/dipi.2018.33.4.183191](https://doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.183191).
- Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E. Media and Political Persuasion: Evidence from Russia // American Economic Review. 2010. Vol. 101. No. 7. P. 3253–3285. DOI: [10.1257/aer.101.7.3253](https://doi.org/10.1257/aer.101.7.3253).
- McFaul M. Russia's 1999 Parliamentary Elections: Party Consolidation and Fragmentation // Demokratizatsiya. 2000. Vol. 8. No. 1. P. 5–23.
- White S., Oates S., McAllister I. Media Effects and Russian Elections // British Journal of Political Science. 2005. Vol. 35. No. 2. P. 191–208. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123405000116>.

References:

- Buzin A.Yu (2020) *Rossiyskiye vybory: iznutri, snaruzhi, sboku* [Russian elections: from the inside, from the outside, from the side]. Moscow: Knizdat.
- Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E. (2010). Media and Political Persuasion: Evidence from Russia. *American Economic Review*. Vol. 101. No. 7. P. 3253–3285. DOI: 10.1257/aer.101.7.3253
- Kalashnikov I.E. (2018) SMI kak instrument otstaivaniya politicheskikh interesov finansovykh elit v Rossii 1991–2000 gg. na primere «Programmy Sergeya Dorenko» [Mass media as a tool to defend the political interests of financial elites in Russia 1991–2000. On the example of “Sergei Dorenko’s Program”]. *Molodoy uchenyy*. No. 24(210). P. 241–244.
- Kashirin A.A. (2017) Extralinguistic Peculiarities of “Analysis and Interpretation” TV Programs: Comparative Analysis. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. No. 4. P. 59–71.
- Loginov G.A. (2018) Postmodern Civilization as Gnostic Civilization and the Triumph of Non-Being. *Credo New*. No. 2. Available: <http://credo-new.ru/archives/1368>
- McFaul M. (2000) Russia ‘s 1999 Parliamentary Elections: Party Consolidation and Fragmentation. *Demokratizatsiya*. Vol. 8. No. 1. P. 5–23.
- Skayner L. (2001) Publichnyye vybory i chastnyye interesy. Rol’ SMI v rossiyskikh parlamentskikh vyborah 1999 goda. [Public elections and private interests. The role of the media in the 1999 Russian parliamentary elections]. *Konstitutsionnoye pravo. Vostochnoyevropeyskoye Obozreniye*. No. 4. P. 30–42.
- Tarasenko T.P. (2017) Media Metaphors in the Pre-Election Discourse as Translators of Linguo-Mental Worldview. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12-3. P. 167–170.
- Tsukanov E.A. (2018) Mediakillerism as a Gnostic Discursive Practice. *Diskurs-Pi*. No. 3-4 (32-33). P. 183–191. DOI: [10.17506/dipi.2018.33.4.183191](https://doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.183191).
- Vakhrushev V.S. (1999) Postmodernizm... I nest’ emu kontsa? [Postmodernism... And there is no end to it?]. *Volga*. No. 10. Available: <https://magazines.gorky.media/volga/1999/10/postmodernizm-i-nest-emu-koncza.html>
- Volgin E.I. (2020) The Problems of Maintaining the Mixed Electoral System in the Russian Federation in the Second Half of the 1990s. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. No. 6. P. 116–142.
- White S., Oates S., McAllister I. (2005) Media Effects and Russian Elections. *British Journal of Political Science*. Vol. 35. No. 2. P. 191–208. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123405000116>.

Дата поступления/Received: 10.07.2021